

Август Стриндберг

Соната призраков

OP. 3

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Старик, директор Хуммель.
Студент Аркенхольц.
Молочница (виденье).
Привратница.
Покойник, консул.
Дама в черном – дочь Покойника и Привратницы.
Полковник.
Мумия, жена Полковника.
Дочь его – дочь Старика.
Знатный господин, по имени барон Сканскорг, жених привратницей дочери.
Юхансон, слуга Хуммеля.
Бенгтсон, слуга Полковника.
Невеста, прежняя невеста Хуммеля, седая старуха.

Первый этаж и бельэтаж современного дома, дом виден с угла, в первом этаже круглая гостиная, в бельэтаже – балкон и флагшток. В открытом окне гостиной, когда раздвигаются шторы, видна белая мраморная статуя молодой женщины, среди пальм, в ярких солнечных лучах. В окне налево – гиацинты в горшках (голубые, белые, алые). На балконных перилах – синее шелковое одеяло и две белые подушки. Окно бельэтажа налево завешено белой простыней. Ясное летнее утро. Перед домом на переднем плане – зеленая скамейка. Направо на переднем плане – фонтан, налево – афишиная тумба. Налево в глубине – открытая дверь парадного, видна белая мраморная лестница с перилами красного дерева с бронзой; по обе стороны парадного в кадках стоят лавры. Круглая гостиная выходит в переулок, ведущий как бы в глубину сцены. Налево от парадного в первом этаже – окно с зеркалом-рефлектором. Когда поднимается занавес, слышно, как звонят сразу в нескольких церквях. Двери парадного открыты; на лестнице неподвижно стоит Дама в черном. Привратница подметает крыльцо, draigt дверные ручки, поливает лавры. В кресле-каталке возле афишиной тумбы сидит Старик и читает газету; он седой, бородатый, в очках. Из-за угла появляется Молочница, в проволочной корзине у нее бутылки; она без пальто, в коричневых туфлях, черных чулках, белом беретике; снимает беретик и вешает на фонтан; утирает пот – со лба, черпает ковшом воду, пьет несколько глотков, моет руки, поправляет прическу, глядясь в воду фонтана. Слышно, как где-то на пароходе бьют склянки да органные басы в ближней церкви то и дело нарушают тишину. После минутной паузы, когда девушка уже привела себя в порядок, слева входит Студент, невыспавшийся, небритый. Направляется

прямо к фонтану.

Студент. Можно мне ковш?

Молочница тянет ковш к себе.

Ну, ты скоро?

Молочница смотрит на него с ужасом.

Старик (*про себя*). С кем это он говорит? Никого не вижу! С ума он, что ли, сошел? (*Рассматривает их с величайшим изумлением.*)

Студент. Что ты так глядишь на меня? Жуткое зрелище? Да, я не спал сегодня, и ты решила, кажется, что я всю ночь кутил...

Молочница все так же на него смотрит.

Пуншем назюзюкался, а? Пахнет от меня пуншем?

Молочница все так же смотрит.

Ну да, небритый, сам знаю... Дай-ка мне, девушка, глоток воды, ей-богу, я заслужил! (*Пауза.*) Ну что ж! Придется живописать, как всю ночь я перевязывал раненых и спасал страждущих. В самом деле, вчера вечером я видел, как обрушился дом... вот.

Молочница полощет ковш и дает Студенту напиться.

Благодарю!

Молочница стоит неподвижно.

(*Медленно.*) Не окажешь ли ты мне великую услугу? (*Пауза.*) Понимаешь ли, у меня болят глаза, сама видишь, они красные, а я прикасался к раненым и к трупам; и мне не стоит дотрагиваться до глаз... Будь добра, достань у меня из кармана чистый носовой платок, смочи его холодной водой и промой мои бедные глаза. Хочешь? Хочешь быть милосердной самарянкой?

Молочница, помешав, исполняет ею просьбу.

Спасибо, дружок! (*Вынимает бумажник. Девушка отстраняет его рукой.*) Прости мне мою глупость. Я просто с ног валюсь, так спать хочется...

Старик (*Студенту*). Прошу прощенья, что позволяю себе к вам адресоваться, но я услышал, вы вчера были на месте катастрофы... А я тут как раз читаю в газете...

Студент. Уже и в газете есть?

Старик. Во всех подробностях; и портретец помещен. Сожалеют только, что имя отважного студента узнать не удалось...

Студент (*заглядывает в газету*). Вот как? Да, это я!

Старик. Но с кем это вы только что беседовали?

Студент. А сами-то вы не видели?

Пауза.

Старик. Осмелюсь полюбопытствовать... не могу ли я узнать ваше достославное имя?

Студент. К чему? Не люблю гласности... сегодня превозносят, завтра клеймят – нынче научились унижать так виртуозно... да и за наградой я не гонюсь...

Старик. Богаты, стало быть?

Студент. Какое там, напротив! Беден, как церковная крыса.

Старик. Знаете ли... мне, кажется, знаком ваш голос... У меня был в юности друг, он произносил «охно» вместо «окно», и в жизни я не встречал больше никого, кто произносил бы это слово таким манером... Он единственный. И вот теперь вы. Скажите, не родственник ли вы купцу Аркенхольцу?

Студент. Это мой отец.

Старик. Пути провидения неисповедимы... Я видел вас, когда вы были совсем еще ребенком, и при весьма печальных обстоятельствах.

Студент. Да, говорят, я родился, как раз, когда обанкротился отец.

Старик. Совершенно верно!

Студент. Могу ли я спросить, с кем имею честь?...

Старик. Я директор Хуммель...

Студент. Вот как... Припоминаю...

Старик. При вас часто произносили мое имя?

Студент. Да!

Старик. И, быть может, с некоторой неприязнью?

Студент молчит.

Так я и знал! И разумеется, вам говорили, будто это я разорил вашего отца? Все, разорившиеся на глупых махинациях, непременно воображают, будто их разорил тот, кого им не удалось провести. (Пауза.) На самом же деле отец ваш ограбил меня на семнадцать тысяч крон, которые и составляли в те времена все мое достояние.

Студент. Удивительно, как можно одну и ту же историю рассказывать на совершенно разные лады.

Старик. Не думаете же вы, что я лгу?

Студент. Что же мне думать? Отец лгать не мог!

Старик. Разумеется, отцы никогда не лгут... Но я сам отец в свою очередь, и, следственно...

Студент. Говорите ясней.

Старик. Я вызволил вашего отца из беды, он же мне сполна отплатил смертельной ненавистью... и домашних своих приучил поносить меня.

Студент. Но, возможно, вы сами навлекли его неблагодарность, отравив свою помощь каким-то унижением.

Старик. Помощь всегда унизительна, сударь мой.

Студент. Что, собственно, вам от меня угодно?

Старик. Я не требую с вас денег; но вы можете со мной расквитаться, если согласитесь оказывать мне мелкие услуги. Вы видите – я калека, одни считают, что я сам виноват, другие склонны

винить моих родителей, я же полагаю – виною тут коварство жизни: едва избегнешь одних ее силков, и тотчас попадешься в другие. Меж тем я не могу бегать по лестницам, дергать дверные звонки, и язываю к вам – помогите!

Студент. Чем я могу вам помочь?

Старик. Для начала – подкатите-ка мое кресло к тумбе, мне надо прочесть афиши; хочу посмотреть, что сегодня дают...

Студент (*катит кресло*). А слуги у вас нет?

Старик. Есть, да я его послал с поручением... Скоро он вернется... Вы, сударь, медик?

Студент. Нет, я занимаюсь языками, но сам, впрочем, не знаю, что из меня выйдет.

Старик. Хе-хе! Ну, а в математике вы сильны?

Студент. Пожалуй.

Старик. Превосходно! А хотели бы получить место?

Студент. Отчего бы нет.

Старик. Так-с (*читает афиши*). Утром дают «Валькирию» [1]... Значит, полковник с дочерью будут, а коль скоро он всегда сидит с краю в шестом ряду, вас я усажу подле... Не угодно ли вам зайти вон в ту телефонную будку и заказать один билет в шестом ряду, кресло номер восемьдесят два?

Студент. Значит, мне днем идти в оперу?

Старик. Да! Слушайтесь меня, и вам будет хорошо! Я хочу, чтобы вы были богаты, счастливы, окружены почетом. Ваш вчерашний дебют в роли отважного спасителя сегодня же сделает вас знаменитостью, и ваше имя уже кой-чего стоит.

Студент (*идет к телефонной будке*). Забавно...

Старик. Вы спортсмен?

Студент. Да, к несчастью.

Старик. Оно обернется счастьем! Извольте же заказать билет. (*Читает газету*)

Дама в черном сходит на тротуар и беседует с привратницей; старик вслушивается, но публике их разговор не слышен.

Студент выходит из будки.

Старик. Заказали?

Студент. Да.

Старик. Вы видите этот дом?

Студент. Я уж его раньше приметил... Я тут вчера проходил, когда в окнах сверкало солнце, и, вообразив, как там все красиво и роскошно, я сказал приятелю: занимать бы такую квартиру в четвертом этаже, да иметь хорошенъкую молоденькую жену, двух славных ребятишек, да двадцать тысяч крон дохода в придачу...

Старик. Так и сказали? Так и сказали? Подумать только! Я тоже люблю этот дом...

Студент. Вы интересуетесь домами?

Старик. М-м... Пожалуй. Но не так, как вы думаете.

Студент. И вы знаете жильцов?

Старик. Знаю их всех. В мои годы знаешь уже всех, знаешь всех отцов и дедов и со всеми оказываешься в родстве. Мне ведь уже восемьдесят стукнуло, но никто меня не знает как следует. А меня занимают людские судьбы...

В круглой гостиной раздвигаются шторы. Полковник, в штатском, выглядывает в окно; посмотрев на термометр, отступает в глубь комнаты и останавливается перед мраморной статуей.

А вот и полковник, с которым вы сегодня будете сидеть рядом...

Студент. Это и есть полковник? Ничего не пойму, просто сказка какая-то.

Старик. Вся моя жизнь словно книга сказок, голубчик. И хотя сказки в ней разные, все они связаны между собой и главный мотив повторяется.

Студент. А чья это там статуя?

Старик. Разумеется, его жены.

Студент. Значит, она была прекрасна?

Старик. М-м... Да!

Студент. Нет, говорите уж все как есть!

Старик. Мы не вправе никого судить, мой мальчик! И если я вам сейчас стану рассказывать, как она от него ушла, как он ее бил, как она вернулась, снова вышла за него замуж и как теперь она сидит в доме, словно мумия, и молится на собственное изображение – вы ведь, чего доброго, меня за помешанного сочтете.

Студент. Ничего не пойму!

Старик. Понять мудрено! Далее – окно с гиацинтами. Там живет его дочь... сейчас она где-то скачет верхом, но скоро она вернется.

Студент. А кто та дама в черном, что говорит с привратницей?

Старик. Ах, все это ужасно сложно и связано с покойником – там наверху, за белой простыней...

Студент. Кто же он был?

Старик. Он был человек, вот как мы с вами, но больше всего было в нем тщеславия... Если бы вы родились в сорочке, вы бы скоро могли увидеть, как он выйдет из парадного, чтобы полюбоваться на приспущеный консультский флаг, – он был, собственно, консул и обожал короны, львов, кокарды, цветные ленты.

Студент. Вы говорите – в сорочке. Помнится, говорили, я так и родился.

Старик. О? Неужто?... Да-да... Я об этом догадывался по цвету ваших глаз... но вы, стало быть, видите то, чего другие не видят,

вы замечали?

Студент. Уж не знаю, что видят другие, но я, бывает... но об этом не стоит.

Старик. Так я и знал! Но мне-то вы можете довериться... ведь я... я превосходно понимаю.

Студент. Вот вчера, например... меня потянуло в один тихий закоулок, и вскоре там рухнул дом... Я подошел и остановился перед зданием, которого не видывал прежде... Вдруг я заметил на стене трещину, услышал, как что-то грохнуло; я бросился вперед и подхватил ребенка, который шел вдоль стены... И тут же дом рухнул... я был невредим, но на руках у меня не было никакого ребенка...

Старик. Н-да, скажу я вам... Но я полагал... Объясните мне, однако: почему вы только что размахивали руками подле фонтана? И почему разговаривали с самим собой?

Студент. Разве вы не видели? Я разговаривал с молочницей!

Старик (в ужасе). С молочницей?

Студент. Разумеется. Она еще дала мне напиться.

Старик. Да. Вот оно что! Что ж – я не вижу, зато я способен на кое-что другое...

Подле окна с зеркалом-рефлектором садится седая женщина.

Поглядите на ту старуху в окне. Видите? Чудесно Она была когда-то моей невестой, шестьдесят лет назад. Мне тогда было двадцать. Не бойтесь, она меня не узнаёт! Мы видимся каждый день, но мне это решительно безразлично, хоть мы поклялись друг другу в вечной верности. Вечной!

Студент. Как же вы были безрассудны! Мы со своими подружками ни о чем таком не говорим.

Старик. Прости нам, юноша, наше недомыслие! Но можете ли вы поверить, что старуха эта была юной и прекрасной?

Студент. Как-то незаметно. Впрочем, взор ее прекрасен, хоть глаз я не разгляжу!

Привратница выходит с корзиной и разбрасывает еловые ветки.

Старик. Привратничиха! Ага! Дама в темном – ее дочь от покойника, вот муж и получил место привратника... Но у темной дамы есть жених, он знатен и надеется разбогатеть; собственно, он сейчас разводится со своей женой, и она дарит ему каменный дом на радостях, что от него избавилась. Знатный жених этот – покойнику зять, и там, на балконе, видите, проветривается его постель... Признаться, все это так запутано!

Студент. Неимоверно запутано!

Старик. Да, предельно запутано, хоть на первый взгляд кажется совершенно просто.

Студент. Но кто же был этот покойник?

Старик. Вы уже спрашивали, я вам ответил; если б вы заглянули за угол, на черный ход, вы бы заметили толпу бедняков, которым он помогал... когда ему вдруг приходила такая блажь.

Студент. Значит, он был великодушный человек?

Старик. Да... порой.

Студент. Не всегда?

Старик. Нет! Так уж созданы люди! Знаете, сударь, подтолкните-ка мою коляску на солнышко; я ужасно продрог; когда не двигаешься, кровь стынет в жилах. Я знаю, я скоро умру, но предварительно мне надо еще кое-что устроить. Дайте руку – чувствуете, какой я холодный?

Студент. Неимоверно! (*Отшатывается.*)

Старик. Не бросайте меня, я устал, я одинок, но не всегда я был таким. Я бесконечно долго жил – бесконечно. Я причинял людям горе, они причиняли горе мне. Мы в расчете. Но пока я не умер, я хочу видеть вас счастливым... Наши судьбы связаны воедино судьбой вашего отца и еще кое-чем...

Студент. Да отпустите же вы мою руку, слышите? Вы все силы у меня отнимаете, вы меня заморозите, наконец! Чего вам от меня надо?

Старик. Терпенье! Сейчас вы все увидите и поймете... Вот идет фрекен...

Студент. Дочь полковника?

Старик. Да! Дочь! Смотрите на нее! Случалось ли вам видеть такое совершенство?

Студент. Она – как та мраморная статуя...

Старик. Это же ее мать!

Студент. Ваша правда. Никогда я еще не видывал такой женщины! Блажен, кто поведет ее к алтарю и введет в свой дом!

Старик. Значит, вы видите! Не все находят ее прекрасной... Стало быть, решено!

Фрекен входит слева в модной амазонке, ни на кого не глядя, медленно идет к парадному, там останавливается и что-то говорит привратнице, потом входит в дом.

Студент заслоняет глаза руками.

Вы плачете?

Студент. Как не впасть в отчаяние пред безнадежностью!

Старик. Я умею отворять двери и сердца, когда мне удается найти руку, послушную моей воле. Служите мне и будете царить...

Студент. Что это – договор? И я должен продать свою душу?

Старик. Зачем продавать? Видите ли, всю свою жизнь я только и делал, что брал. А теперь у меня одна потребность – давать!

Давать! Но некому брать! Я богат, очень богат, но у меня нет наследников, только один болван, который отравляет мою жизнь... Будьте мне сыном, наследуйте мне при жизни, наслаждайтесь, и чтоб я это видел, хоть издали.

Студент. Но что мне надо делать?

Старик. Прежде всего – идите в оперу!

Студент. Это решено – что дальше?

Старик. Сегодня же вечером вы будете сидеть в круглой гостиной!

Студент. Но как я туда попаду?

Старик. Поможет «Валькирия»!

Студент. Почему вы избрали меня своим медиумом? Вы знали меня раньше?

Старик. Разумеется. Вы у меня давно на примете... Однако взгляните-ка, взгляните, как на балконе девушка приспустила флаг по причине смерти консула... вот она переворачивает синее одеяло... Видите? Под ним спали двое, и одного уж нет...

Фрекен, переодетая, показывается в окне, она поливает гиацинты.

Девочка моя милая! Посмотрите вы на нее! Вот – разговаривает с цветами, но разве сама она не похожа на голубой гиацинт? Она поит их одной чистой водою, а уж они превращают эту воду в благоуханье и краски... А вот и полковник с газетой! Показывает ей статейку про обвалившийся дом... тычет пальцем в ваш портрет! О, кажется, она не осталась равнодушной... читает про ваш подвиг... тучи, кажется... только б дождь... не начался, хорош я буду, если Юхансон не подоспеет...

Небо хмурится. Старуха с зеркалом-рефлектором затворяет окно.

Вот моя невеста закрывает окно...: семьдесят девять лет... пользуется только зеркалом-рефлектором, потому что себя в нем не видит, а видит лишь окружающий мир, и с двух сторон вдобавок, ну а о том, что миру она при этом видна – она и не догадывается... Красивая, однако, старуха...

Покойник в саване виден в парадном.

Студент. Господи, что я вижу?

Старик. Что вы такое видите?

Студент. Сами-то вы разве не видите? Покойник в дверях!

Старик. Ничего я не вижу, но так я и знал! Рассказывайте!

Студент. Вот он, выходит на улицу... (Пауза.) Повернул голову, разглядывает флаг.

Старик. А я что говорил? Сейчас будет пересчитывать венки и читать визитные карточки... Горе тому, кто ничего не прислал...

Студент. Он сворачивает за угол...

Старик. Будет нищих у черного хода считать... Бедняки – прелестное украшение похорон: «сопровождаемый благословением многих», да-да, только уж не моим благословением! Большой мерзавец, говоря между нами...

Студент. Но благотворитель...

Старик. Мерзавец-благотворитель, всю жизнь мечтавший о пышных похоронах... Когда почуял, что конец близко, успел-таки ограбить казну на пятьдесят тысяч крон... теперь дочь его разрушает чужую семью и беспокоится о наследстве... он, негодяй, слышит каждое мое слово, но так ему и надо! А вот и Юхансон!

Юхансон появляется слева.

Отчитывайся!

Юхансон что-то тихо говорит ему.

Дома, говоришь, не оказалось? Ну и осел! А телеграф? Ничего-шеньки! Дальше! В шесть вечера? Прекрасно! Экстренный выпуск? Имя полностью! Студент Аркенхольц, год рождения... родители... прекрасно... кажется, уже накрапывает... и что он сказал?... Так-так! Ах, не хочет! Ничего, придется! А вот и знатный господин! Кати-ка ты меня за угол, Юхансон, надо послушать, что говорят нищие... А вы, Аркенхольц, ждите меня здесь. Поняли? Ну, живей!

Юхансон катит каталку за угол. Студент стоит и смотрит на фрекен, хлопочущую над цветочными горшками.

Знатный господин (*в трауре, обращается к Даме в черном, вышедшей на улицу*). Что поделать? Надо ждать!

Дама. Не могу я ждать!

Знатный господин. Вот те на! Тогда поезжай в деревню!

Дама. Не хочу.

Знатный господин. Подойди-ка поближе, не то нас услышат.

Подходят к афишной тумбе, и дальше их разговора не слышино.

Юхансон (входит справа, обращается к Студенту). Хозяин просит вас, сударь, кое о чем не забыть.

Студент (*медленно*). Послушайте, скажите сперва, кто он такой, ваш хозяин,

Юхансон. О! Он много весит, а был он – всё.

Студент. Но он в своем уме?

Юхансон. Да кто же в своем-то уме? Он говорит, всю жизнь искал того, кто родился в сорочке, только, может, и неправда это...

Студент. Что ему надо? Он жадный?

Юхансон. Он хочет властвовать... День целый разъезжает в своей каталке, как бог Тор [2]... осматривает дома, сносит их, про-кладывает улицы, раздвигает площади; но он и вломывается в дома, влезает в окна, правит судьбами людей, умерщвляет врагов и никому ничего не прощает. Можете ли вы поверить, сударь, что

этот хромоногий коротышка был настоящим Дон Жуаном, хоть все женщины бросали его?

Студент. Как же это увязать?

Юхансон. О, он, каналья, всегда умел так подстроить, чтоб женщина бросала его, как только она ему надоест... А теперь он как конокрад на человечьей ярмарке, уж до того ловко людей крадет... Меня буквально выкрад из рук правосудия... я сделал один... гм... промах; про это только он и знал; и, вместо того чтоб засадить меня за решетку, он меня сделал своим рабом; вот и батрачу у него за один харч, да и то не очень-то хороший...

Студент. А что ему нужно в этом доме?

Юхансон. Вот этого я вам не скажу! Ужасно запутанная история.

Студент. Мне, пожалуй, пора отсюда убираться...

Юхансон. Глядите-ка, фрекен бросает из окна браслет...

Фрекен бросает браслет в открытое окно. Студент медленно подходит, поднимает браслет и подает ей, она натянуто благодарит. Студент возвращается к Юхансону.

Значит, убраться задумали... Не так-то это просто, как кажется, раз уж попался в его сети... Сам-то он ничего во всем мире не боится... кроме одной вещи... верней, одного человечка...

Студент. Погодите-ка, кажется, я знаю!

Юхансон. Откуда же вам знать?

Студент. Я догадываюсь! Скажите... он боится девчонки... молочницы?

Юхансон. Он всегда сворачивает с дороги, едва завидит тележку с молоком... И еще он во сне говорит что-то насчет Гамбурга, он там был когда-то...

Студент. Можно верить этому человеку?

Юхансон. Ему можно верить – во всем!

Студент. А что он сейчас за углом делает?

Юхансон. Подслушивает, что скажут нищие... Сеет по словечку, выбирает по камешку, пока не обрушится дом... фигурально выражаясь... Я, видите ли, в прошлом человек образованный, служил в книжной лавке... Но вы уходите?

Студент. Не хочется быть неблагодарным... Этот человек когда-то спас моего отца, а теперь попросил меня в ответ всего лишь о мелкой услуге...

Юхансон. Что за услуга?

Студент. Пойти на «Валькирию»...

Юхансон. Не понимаю... Но у него вечно новые затеи... Глядите-ка, с полицейским заговорил... вечно он к полиции льнет, там услужит, здесь опутает, связует то ложной клятвой, то намеком, а тем временем все у них и выведает. Вот увидите, сегодня же его

примут в круглой гостиной!

Студент. Да зачем туда идти? Какие у него дела с полковником?

Юхансон. М-м... Кое-что предполагаю, но не знаю наверное! Сами узнаете, как попадете туда!

Студент. Я-то туда не попаду.

Юхансон. От вас самих же и зависит. Идите-ка на «Валькирию».

Студент. Разве это – путь туда?

Юхансон. Ну да, раз он вам пообещал! Глядите-ка, глядите на него, на боевой колеснице, запряженной нищими, и ни единого эре им в награду, лишь намек, что на его похоронах они кое-чем смогут поживиться!

Старик появляется, стоя в кресле, его везет один нищий, остальные идут следом.

Старик. Почтите благородного юношу! С опасностью для собственной жизни он вчера спас многих во время катастрофы! Слава тебе, Аркенхольц!

Нищие обнажают головы, но молчат. Фрекен в окне машет платочком. Полковник высовывается из окна. Старуха встает в окне. Девушка на балконе поднимает флаг доверху.

Рукоплещите, сограждане! Правда, нынче воскресенье, но вызволить овцу из колодца и сорвать колос в поле и в воскресенье не грех, а я, хоть и не родился в сорочке, обладаю даром пророчества и врачевания, ибо некогда вернулся к жизни утопленницу... да, дело было в Гамбурге, таким же воскресным утром, как вот нынче...

Молочница входит, ее видят только Студент и Старик; она тянет руки вверх, как утопающая, и пристально смотрит на Старика. Старик садится, весь съеживается от ужаса.

Юхансон! Уведи меня отсюда! Скорей! Аркенхольц, не забудьте про «Валькирию»!

Студент. Что все это значит?

Юхансон. Будет видно! Будет видно!

В круглой гостиной; в глубине – белый изразцовый камин, на нем часы, канделябры; справа прихожая, из нее видна зеленая комната, обставленная мебелью красного дерева; налево стоит статуя под сенью пальм; ее можно зашторить; в глубине налево дверь в комнату с гиацинтами, там сидит фрекен с книгой. Полковника мы видим со спины; он сидит в зеленой комнате и что-то пишет. Бенгтсон, слуга, в ливрее, входит из прихожей с Юхансоном, тот во фраке и белом галстуке.

Бенгтсон. Ну вот, вы будете прислуживать за столом, Юхансон, пока я буду принимать одежду. Приходилось раньше-то?

Юхансон. Целый день, как вам известно, я катаю боевую колесницу, а вечерами прислуживаю на званых ужинах, и всегда меч-

тал попасть в этот дом... Странный тут народец, а?

Бенгтсон. Да, пожалуй что не совсем обыкновенный.

Юхансон. Что тут у них сегодня – музыкальный вечер?

Бенгтсон. Обыкновенный ужин призраков, как у нас это называется. Пьют чай, помалкивают, или говорит один полковник, а остальные грызут печенье, все вместе – хрустят, будто крысы на чердаке.

Юхансон. И почему это называется ужин призраков?

Бенгтсон. Да похожи они на призраков... И уж двадцать лет им это не надоест, собираются все те же, говорят все то же или молчат, чтоб не сказать чего невпопад.

Юхансон. И в доме ведь есть хозяйка?

Бенгтсон. Есть, да только она не в себе; сидит в кладовке, глаза у нее, говорит, не выносят света... Вон тут она сидит (*показывает потайную дверь в стене*).

Юхансон. Тут?

Бенгтсон. Ну да, я ж говорю – не совсем обыкновенный народец...

Юхансон. А какова она с виду?

Бенгтсон. Как мумия... хотите взглянуть? (*Открывает потайную дверь.*) Вон она!

Юхансон. Господи Иесу!...

Мумия (*лепечет*). Зачем дверь открыли, я же сказала, чтоб не открывали никогда...

Бенгтсон (*подражая ей*). Тю-тю-тю! Деточка будет паинькой и получит чего-нибудь вкусненького! Милый попочка!

Мумия (*как попугай*). Милый попочка! Якоб тут? Попка-дуррак!

Бенгтсон. Она вообразила, что она попугай, может, так оно и есть... (*Мумии.*) Посвисти-ка нам, Полли!

(*Мумия свистит.*)

Юхансон. Всего, кажется, понавидался, но такого еще не видывал!

Бенгтсон. Понимаете ли, когда дом стареет, он ветшает и в нем заводится плесень, а когда люди изо дня в день годами мучают друг друга – они теряют рассудок. Эта наша хозяйушка – да тыши ты, Полли! – эта мумия проторчала тут в кладовке сорок лет – и тот же муж, та же мебель, те же родственники, друзья... (*Закрывает дверь.*) А уж что тут у них получилось – сам не знаю... Поглядите на статую... Это же наша фру в молодости!

Юхансон. Господи! Эта мумия?

Бенгтсон. Да! Поневоле расплачешься! Но силой ли воображения или еще как – она во многом уподобилась болтливой птице – не выносит калек, больных... Даже дочь свою не выносит за то, что та больная...

Юхансон. Фрекен больна!

Бенгтсон. А вы не знали?

Юхансон. Нет!... Ну, а что же полковник?

Бенгтсон. Увидите сами!

Юхансон (*разглядывает статую*). Просто оторопь берет! А сколько же ей теперь?

Бенгтсон. Да кто ж ее знает... Но люди говорят, когда ей было тридцать пять, на вид она была как девятнадцатилетняя, вот она этим и воспользовалась, а полковник попался... Э, в этом доме... Знаете, для чего стоят черные японские ширмы, вон там, возле кресла? Их называют смертные ширмы и ставят, когда кому-то умирать пора, точно как в больнице...

Юхансон. Ужас! Ну и дом... И сюда студент рвался, как в рай...

Бенгтсон. Какой еще студент? А-а, этот! Который сегодня будет... Полковник и фрекен наша встретили его в театре и от него без ума! Гм! А теперь позвольте вас спросить. Кто ваш хозяин? Директор в каталке?...

Юхансон. Да-а! Он тоже будет?

Бенгтсон. Не приглашен.

Юхансон. Пожалует и без приглашенья! На худой конец!...

Старик в прихожей; на нем сюртук, при нем цилиндр, костили. Тихонько подбирается к ним, подслушивает.

Бенгтсон. Вот старая шельма, а?

Юхансон. Каких мало!

Бенгтсон. И с виду-то сущий черт!

Юхансон. Да он и правда колдун! В запертые двери входит...

Старик (подходит и берет Юхансона за ухо). Дрянь; Я тебе покажу колдуна! (Бенгтсону.) Доложить обо мне полковнику!

Бенгтсон. Тут ожидают гостей...

Старик. Знаю! Но и моего визита почти ожидают, хоть нельзя сказать, чтоб со страстным нетерпеньем...

Бенгтсон. Вот оно что! Как докладывать? Директор Хуммель?

Старик. Совершенно верно!

Бенгтсон идет через прихожую к зеленой комнате; там закрывается дверь.

(Юхансону). Убирайся!

Юхансон мешкает.

А ну убирайся!

Юхансон скрывается в прихожей.

(Оглядывает комнату; в глубоком изумлении застывает перед статуей.) Амалия!... Это она!... Она! (Ходит по комнате, перебирает безделушки; поправляет перед зеркалом парик; опять подходит к статуе.)

Мумия (из кладовой). Попка хороший!

Старик (вздрогнув). Что такое? Здесь где-то попугай? Не вижу никакого попугая!

Мумия. Это ты, Якоб?

Старик. Нечистая сила!

Мумия. Якоб!

Старик. Мне страшно! Так вот что они тут прячут! (*Стоя спиной к шкафу, разглядывает портрет.*) Это он!... Он!

Мумия (*сзади подбирается к Старику и сдергивает с него патрик*). Попка-дуррак! Это попка-дуррак?

Старик (*подпрыгнув*). Господь всемогущий! Кто это?

Мумия (*человеческим голосом*). Якоб?

Старик. Ну да, меня зовут Якоб...

Мумия (*с чувством*). А меня – Амалия!

Старик. Нет, нет, нет, господи Иесу...

Мумия. Вот какой у меня вид! Да! А вот как я выглядела прежде! Вот! Жизнь многому научит. Теперь-то я живу в кладовке, чтоб никого не видеть и чтоб меня не видели... Ну, а ты, Якоб, чего ты тут ищешь?

Старик. Своего ребенка! Нашего ребенка...

Мумия. Вон она сидру.

Старик. Где?

Мумия. Вон там, в комнате с гиацинтами!

Старик (*разглядывая фрекен*). Да, это она! (*Пауза.*) А что говорит ее отец, то есть, я имею в виду, полковник? Твой муж? Мумия. Как-то раз я на него разозлилась и все ему выложила...

Старик. И что же он?

Мумия. Не поверил. Сказал: «Так все женщины говорят, чтобы сжить со свету мужей». Все равно – ужасный был грех. Вся жизнь его – ложь, и родословная тоже; иногда читаю дворянские списки и думаю: у него подложное метрическое свидетельство, как у девки, а за это полагается тюрьма.

Старик. Что ж, вещь обычная; ты сама, помнится, подделала год рождения...

Мумия. Это меня мама научила... Моей вины тут нет! А в нашем грехе ты больше всех виноват!...

Старик. Нет, твой муж сам навлек этот грех, когда отнял у меня невесту! Так уж создан я – не могу простить, пока не покараю. Я считал это своим долгом – да и сейчас того же мнения!

Мумия. Зачем ты пришел? Чего тебе здесь надо? Как ты сюда пробрался? За дочерью моей пришел? Попробуй только тронь ее! Тебе тогда не жить!

Старик. Я ей же добра желаю!

Мумия. Пожалей ее отца!

Старик. Нет!

Мумия. Значит, ты умрешь. В этой комнате. За этой ширмой...
Старик. Возможно... Но раз я не могу вернуться с полдороги...
Мумия. Ты хочешь выдать ее за студента. Зачем? Он совершенное ничто, и у него нет ни гроша.

Старик. Я его озолочу!
Мумия. Тебя приглашали сюда на вечер?
Старик. Нет, но я уж расстараюсь, чтоб меня пригласили на ужин призраков!

Мумия. А ты знаешь, кто будет?
Старик. Не вполне.
Мумия. Барон... который живет над нами, у которого нынче хоронят тестя.

Старик. Который собирается разводиться, чтоб жениться на дочери привратницы? Он ведь был твоим любовником!

Мумия. Еще будет твоя бывшая невеста, которую соблазнил мой муж...

Старик. Милая компания...
Мумия. Господи, если б умереть! Если б умереть!
Старик. Тогда зачем же вам встречаться?
Мумия. Мы повязаны одной веревочкой. Нас держат вместе наш грех, вина и тайна. Сто раз пытались мы развязаться, и опять нас тянуло друг к другу...

Старик. Кажется, полковник...
Мумия. Тогда я пойду к Адели. (Пауза.) Якоб, одумайся! Пожалей его...

Пауза. Она уходит.
Полковник (*входит, сдержанно, сухо*). Прошу вас, садитесь.
Старик не спеша садится.
Пауза.
(Пристально смотрит на него.) Не вы ли, сударь, писали это письмо?

Старик. Да, я.
Полковник. Ваша фамилия Хуммель?
Старик. Да.
Пауза.
Полковник. Итак, мне теперь известно, что вы скупили все мои векселя, и я в ваших руках. Чего вам угодно?

Старик. Чтобы со мной расплатились по векселям – тем или иным способом.

Полковник. Каким же именно способом?
Старик. Весьма простым. Забудем о деньгах – примите меня у себя – как гостя!
Полковник. Если вам достаточно такой малости...

Старик. Благодарю вас!

Полковник. Но далее?

Старик. Прогоните Бенгтсона.

Полковник. За что же? Верный слуга, всю жизнь мне служит, имеет медаль за бесспорочную службу – за что же мне его прогонять?

Старик. Все эти прекрасные качества существуют не более как в вашем воображении. Он совсем не то, чем кажется!

Полковник. Ну, а кто же – то, чем кажется?

Старик (*отпрынув*). Верно! Но Бенгтсона придется прогнать.

Полковник. Вы намерены распоряжаться в моем доме?

Старик. Да! Поскольку мне принадлежит все, что тут есть – мебель, шторы, посуда, шкаф с бельем... и еще кое-что!

Полковник. Что именно?

Старик. Все! Все, что тут есть, – мое! Мое!

Полковник. Хорошо! Пусть ваше! Но дворянский герб мой и доброе имя остаются мне!

Старик. Как бы не так. (*Пауза.*) Вы не дворянин!

Полковник. Стыдитесь!

Старик (*вынимая бумагу*). Прочтите эту выписку из дворянской книги и убедитесь, что род, имя которого вы носите, вот уже сто лет как угас.

Полковник (*читает*). Я, разумеется, слышал какие-то слухи, но ведь я ношу имя своего отца... (*Читает.*) Верно; верно... я не дворянин! Даже этого мне не остается! Стало быть, я снимаю свой перстень с печаткой. Верно! Он ваш. Берите его!

Старик (*берет перстень*). Итак – продолжим! Вы никакой и не полковник!

Полковник. И не полковник?

Старик. Да! Вы когда-то добровольно служили в чине полковника у американцев, но после войны на Кубе и преобразования армии все прежние чины упразднены [3].

Полковник. И это правда?

Старик (*опускает руку в карман*). Не угодно ли убедиться?

Полковник. Нет, не надо! Но вы-то кто такой и по какому праву сидите тут и разоблачаете меня?

Старик. Сейчас увидите! Что же до разоблаченья... знаете ли, кто вы такой?

Полковник. И вам не совестно?

Старик. Снимите-ка волосы да поглядитесь в зеркало, только заодно выньте зубы, да сбрейте усы, да велите Бенгтсону расшнуровать ваш железный корсет, и тогда посмотрим – не обнаружится ли в результате некий слуга, который был когда-то прихлебателем на одной кухне...

Полковник тянется к звонку на столе, но Старик хватает его за руку.

Не прикасайтесь к звонку, не зовите Бенгтсона, не то я его арестую... А вот и гости... Успокойтесь же, и давайте снова разыгрывать наши прежние роли.

Полковник. Но кто вы? Я узнаю ваш голос, взгляд...

Старик. Напрасно допытываетесь, лучше молчите и подчиняйтесь!

*

Студент (*входит, кланяется полковнику*). Господин полковник!

Полковник. Рад видеть вас у себя, молодой человек! Все только и говорят, как благородно вы вели себя во время катастрофы, и я за честь почитаю принимать вас в своем доме...

Студент. Господин полковник, мое скромное происхождение... Ваше славное имя, ваш знатный род...

Полковник. Позвольте представить – кандидат Аркен-хольц, директор Хуммель... Не желаете ли, господин кандидат, поздороваться с дамами, а я бы пока окончил разговор с директором...

Студент идет в комнату с гиацинтами. Видно, как он скромно стоит там и разговаривает с фрекен.

Превосходный молодой человек, музыкален, поет, пишет стихи... Будь он дворянин и нам ровня, я бы ничего не имел против... да...

Старик. Против чего?

Полковник. Чтобы моя дочь...

Старик. Ваша дочь! Кстати, почему она всегда там сидит?

Полковник. Если она дома, она сидит в комнате с гиацинтами. Такая уж у нее странность... А вот и фрекен Беата фон Хольштейнкруга... прелестная особа... имеет ренту, вполне достаточную для ее положения и ее запросов...

Старик (*про себя*). Моя невеста!

Невеста – седая и слабоумная на вид.

Полковник. Фрекен Хольштейнкруга – директор Хуммель...

Невеста кланяется и садится. Входит Знатный господин, с загадочным видом, в трауре.

Барон Сканскорг...

Старик (*в сторону, не вставая*). Кажется, это он воровал бриллианты... (*Полковнику*.) Зовите Мумию, и вся компания будет в сборе.

Полковник (*в сторону комнаты с гиацинтами*). Полли!

Мумия (*входя*). Попка-дуррак!

Полковник. Не позвать ли молодежь?

Старик. Нет! Не надо молодежи! Пощадим их...

*Все молча усаживаются в кружок.
Полковник. Я прикажу подать чаю?
Старик. К чему? Чая никто не любит, и незачем нам лицемерить.*

Пауза.

Полковник. Тогда давайте разговаривать?

Старик (медленно, то и дело умолкая). Говорить о погоде, которую мы сами видим, осведомляясь о здоровье, про которое всем и без того известно? Я предпочитаю молчанье, тогда слышны мысли и видно прошлое; молчанье не скроет ничего... что скрывается за словом; на днях я читал, что различие языков пошло от стремленья первобытных племен скрывать друг от друга свои секреты; каждый язык, стало быть, – шифр, и тот, кто отыщет ключ, поймет сразу все языки мира; а можно разгадывать тайны и без ключа, и особенно, когда надо доказать отцовство. Доказательство на суде – это совсем другое; ложные показания двух свидетелей составят вполне удовлетворительное доказательство, если только совпадут; но к тем делам, на которые я намекаю, не подпускают свидетелей, сама природа наделила человека чувством стыда, и оно побуждает нас скрывать то, что должно быть скрыто; но бывает, мы невольно попадаем в такие положения, порой благодаря чистейшему случаю, – и вдруг тайное становится явным, спадает с мошенника маска, изобличается негодяй... (Пауза, все молча переглядываются.) Как тихо стало! (Долгая пауза.) К примеру, здесь, в почтенном этом доме, в прелестном кругу, где соединились красота, образованность и богатство... (Долгая пауза.) Все мы, тут сидящие, знаем, кто мы такие... не правда ли? Об этом и говорить нечего... и вы знаете меня, хоть изображаете неведение... А в той комнате сидит моя дочь, моя, и это вы знаете тоже... Она наскучила жизнью, сама не понимая причин, но она увяла в этом воздухе, насыщенном обманом, грехом и фальшью... и я искал для нее друга, подле которого она могла бы ощутить тепло и свет, излучаемые благородными делами... (Долгая пауза.) Вот зачем я проник в этот дом: вырвать плевелы, раскрыть грех, подвести итог, чтобы молодые начали жизнь заново в этом доме, который я им дарю! (Долгая пауза.) А теперь я разрешаю разойтись всем по очереди и по порядку; того, кто останется, я велю схватить! (Долгая пауза.) Слышите, как тикают часы – точно твердят смертный приговор! Слышите? Вот сейчас они пробьют, и тогда срок настал – уходите, но не раньше. Сперва они предупредят. Да! Слышите? Часы вот-вот ударят. И я вот-вот ударю. (Стучит костылем по столу.) Слышите? (Пауза.)

Мумия (подходит к часам и останавливает маятник; потом говорит серьезно и членораздельно). Но я могу остановить бег

времени – могу обратить прошедшее в ничто, содеянное – в несодеянное; и не угрозами, не подкупом – страданьем и покаяньем (*подходит к Старику*). Мы бедные, ничтожные, – мы это знаем, мы грешили, бесчинствовали, ошибались – как все; мы – не то, чем кажемся, и по сути нашей мы лучше, чем кажемся, но ведь мы способны осуждать себя за собственные прегрешенья; но ты, ты, Якоб Хуммель, ты скрываешься под чужим именем и рядишься в тогу судьи – а значит, ты хуже нас, бедных. Ты тоже не то, чем кажешься! Ты вор человеков, ты меня сманил когда-то ложными посланиями, ты убил консула, которого нынче похоронили, задушил векселями; ты опутал студента вымыщенным долгом отца, который не был должен тебе ни единого эре...

Старик порывается встать, перебить ее, но падает на стул и съеживается все больше, по мере того как она говорит дальше.

Но есть в твоей жизни одно темное пятно, в точности я не знаю, но догадываюсь... думаю, Бенгтсон знает! (*Звонит в колокольчик.*)

Старик. Нет, только не Бенгтсон! Не надо!

Мумия. Ага, значит, он знает! (*Снова звонит.*)

В дверях прихожей появляется маленькая Молочница, ее не видит никто, кроме Старика; тот смотрит на нее в ужасе; она исчезает, когда входит Бенгтсон.

Бенгтсон, вам знаком этот господин?

Бенгтсон. Да, знаю я его, и он меня знает. Жизнь, известно, вещь переменчивая, было, я у него служил, а было – и он у меня. Два года целых кормился даром при моей кухне. Если ему надо было уйти в три, обед готовили к двум, а потом все доедали разогретое после этого буйвола, и бульону он выпивал столько, что потом водой добавляли. Как вампир, высасывал из нас все соки, мы стали как скелеты, и все грозился засадить нас за решетку, если мы говорили, что кухарка ворует! Потом я наткнулся на него в Гамбурге, уже под другим именем. Он стал ростовщиком, кровососом; там его привлекли к суду за то, что он заманил одну девушку на лед, пытался утопить, она про него слишком много знала, и он ее боялся...

Мумия (*гладит Старика по лицу*). Ну вот! А теперь доставай-ка векселя и завещание!

Юхансон появляется в дверях и наблюдает происходящее с огромным интересом, так как он освобожден теперь от рабской зависимости. Старик вынимает пачку бумаг и бросает на стол.

(*Гладит Старика по спине.*) Попка-дуррак! А где Якоб?

Старик (*как попугай*). Якоб тут! Кокадора! Дора!

Мумия. Можно, часы будут бить?

Старик (*квохчет*). Часы будут бить! (*Как кукушка.*) Ку-ку! Ку-ку!

Мумия (*открывает дверь кладовки*). Час пробил! Встань, поди в кладовку, где я просидела двадцать лет, оплакивая наше преступление. Там шнурок, он заменит тебе ту веревку, которой ты удушил консула и хотел задушить своего благодетеля... Ступай! (*Старик уходит в кладовку. Мумия закрывает дверь.*) Бенгтсон! Ставь ширму! Смертную ширму!

Бенгтсон заслоняет дверь ширмой.
Господи, помилуй его душу!
Все. Аминь!
Долгая пауза.

В комнате с гиацинтами фрекен аккомпанирует на арфе речитативу Студента.

Песня (после прелюдии):
Солнце зрел я, и Сокрытый
Встал передо мною.
Каждый небесам подвластен.
Всяк в грехах покайся,
Злобы не питай к тому,
Кому вредил успешно.
Всяк блажен, добро творящий.
Оскорбленного – утешь,
Лишь в самом добре – награда.
И блажен невинный.

Комната, обставленная несколько странно, в восточном стиле. Повсюду гиацинты всех оттенков. На камине – большой Будда, на коленях у него клубень, из него тянется стебель шарлота с круглыми звездообразными цветами. В глубине направо – дверь в круглую гостиную. Там Полковник и Мумия сидят без действия и молчат; виден угол смертной ширмы; налево – дверь в буфетную и на кухню.

Студент и фрекен (Адель) подле стола; она сидит с арфой; он стоит.

Фрекен. А теперь спойте про мои цветы!
Студент. Это любимые ваши цветы?
Фрекен. Единственные! Вы любите гиацинты?
Студент. Люблю превыше всех других, люблю девичий стройный образ, что тянется вверх от клубня и нежно полощет чистые свои, белые свои корни в бесцветных водах; люблю их краски, люблю снежно-белый гиацинт, чистый, как сама невинность, люблю медвяный, нежно-желтый, розово-юный, багряно-зрелый, но всех больше люблю я синий гиацинт, росистый, глубокоокий, верный... Я все их люблю, больше золота и перлов, люблю их с

детства, всегда ими восхищался, ибо они преисполнены достоинств, которыми я обделен... Да только...

Фрекен. Что же?

Студент. Любовь моя безответна, прекрасные цветы ненавидят меня.

Фрекен. Ненавидят?

Студент. Их запах, чистый и резкий, как весенний ветер над талым снегом, сводит меня с ума, глушит, слепит, гонит меня вон из дома, мечет в меня отравленные стрелы, а от них ноет сердце и горит голова! Вы знаете сказку про гиацинта?

Фрекен. Расскажите!

Студент. Но прежде – его значенье. Клубень, держащийся на воде или лежащий в перегное, – это земля; вверх устремляется стебель, прямой, как ось земная, и венчается звездоподобными цветками о шести лучах...

Фрекен. Земля – и над нею звезды! Как прекрасно! Но откуда вы это взяли, где вы это видели?

Студент. Дайте сообразить!... В глазах ваших! Итак – это прообраз мира... И Будда сидит, держа на коленях луковицу-землю, греет ее взглядом, чтоб она росла ввысь и обратилась в небо! Бедная земля станет небом! Вот чего ждет Будда!

Фрекен. Я понимаю. Но у подснежника тоже цветок о шести лучах, как у лилии-гиацинта – не правда ли?

Студент. В самом деле! Значит, подснежники – падающие звезды.

Фрекен. И подснежник – снежная звезда... выросшая на снегу.

Студент. А Сириус, прекраснейшая и крупнейшая из звезд небесных, желтый, красный – это нарцисс с желто-красной чашечкой о шести белых лучах...

Фрекен. Случалось вам видеть, как цветет шарлот?

Студент. О, разумеется! Цветы его образуют шар, как небесный свод, усеянный белыми звездами...

Фрекен. Боже, как прекрасно! Чья это мысль?

Студент. Твоя!

Фрекен. Твоя.

Студент. Наша! Мы родили ее вместе, мы обручены...

Фрекен. Нет пока еще...

Студент. За чем же дело стало?

Фрекен. Надо подождать, испытать друг друга, потерпеть!

Студент. Хороше же! Испытай меня! {Пауза.) Скажи! Отчего твои родители сидят так тихо, не скажут ни слова?

Фрекен. Потому что им нечего друг другу сказать, потому что один не верит тому, что скажет другой. Отец это так объяснил: «К чему разговаривать, если мы уже не можем обмануть друг друга?»

Студент. Ужасно!

Фрекен. Вот кухарка идет... Посмотри, какая она громадная, жирная...

Студент. А чего ей тут нужно?

Фрекен. Ей нужно спросить меня насчет обеда, я же веду хозяйство с тех пор, как мама больна.

Студент. Что нам за дело до кухни?

Фрекен. Есть-то приходится. Посмотри на нее! Не могу ее видеть.

Студент. Да кто она такая, эта великанша?

Фрекен. Она из вампирского рода Хуммелей. Всех нас съедает...

Студент. Почему бы вам не выгнать ее?

Фрекен. Не уходит! Нам с ней не сладить, это нам наказание за наши грехи... Вы разве не видите, как мы чахнем, тощаем...

Студент. Вас не кормят?

Фрекен. Ох, нас закармливают множеством блюд, но в них никакого толку... Мясо она вываривает, нам дает одни жилы да воду, а бульон пьет сама; а если готовит жаркое, она выжаривает из него весь сок, съедает подливку; всё, до чего она ни коснется, превращаемся в какую-то бурду, она пьет кофе, а нам достаются опивки, она пьет вино и доливает бутылки водой...

Студент. Гнать ее надо!

Фрекен. Мы не можем!

Студент. Почему?

Фрекен. Сами не знаем! Она не уходит! Нам с ней не сладить, она из нас выпила все соки!

Студент. Можно, я ее выгоню?

Фрекен. Нет! Пусть все остается как есть! Вот она, появилась! Сейчас спросит, что приготовить на обед, я скажу – то-то и то-то; она будет спорить и все сделает по-своему.

Студент. Ну, и решала бы сама!

Фрекен. Не желает.

Студент. Странный дом. Околдованный дом!

Фрекен. Да! Но она повернулась, уходит. Это она вас увидела!

*

Кухарка (*в дверях*). Ничего подобного! (*Скалит зубы.*)

Студент. Вон отсюда!

Кухарка. А это уж мое дело! (*Пауза.*) Ладно-ладно, ухожу! (*Исчезает.*)

Фрекен. Не теряйте присутствия духа! Упражняйтесь в терпении; она – не единственное наше испытание. Есть еще и горничная! За которой надо убирать!

Студент. Я тону! Хоры небесные! Песню!

Фрекен. Погодите!

Студент. Песню!

Фрекен. Терпение! Комната эта зовется комнатой испытаний. Тут красиво, но зато бездна неудобств...

Студент. Не верится. Впрочем, с неудобствами можно мириться. Красиво, да. Только несколько холодно. Отчего вы не топите?

Фрекен. Камин чадит.

Студент. А нельзя прочистить трубу?

Фрекен. Без толку!... Видите, письменный стол?

Студент. Неслыханной красоты!

Фрекен. Только он хромой; каждый день я вырезаю и подкладываю под ножку кусок пробки, а горничная, когда подметает, вынимает его, и мне приходится вырезать пробку заново. Ручка каждое утро вымазана в чернилах, чернильница тоже; каждый день, на восходе, я их должна за ней отмывать. (Пауза.) По-вашему, что противней всего на свете?

Студент. Считать белье! Ух!

Фрекен. И это достается мне! Ух!

Студент. А что еще?

Фрекен. Просыпаться ночью, вставать и накидывать на окно крючок... про который забыла горничная.

Студент. А еще?

Фрекен. Взбираться на стремянку и закреплять веревку от выюшки, которую оборвала горничная.

Студент. Еще!

Фрекен. Подметать после нее, вытирая за ней пыль, разводить огонь в камине, она только дрова туда кладет. Закрывать выюшку, перетирать посуду, накрывать на стол, откупоривать бутылки, открывать окна, проветривать, стелить свою постель, мыть графин с водой, когда он уже зазеленеет, покупать спички и мыло, их никогда у нас нет, протирать стекла и обрезать фитили, чтобы не коптили лампы, а чтоб они не гасли, когда у нас гости, мне приходится самой их наливать...

Студент. Песню!

Фрекен. Погодите! Сперва тяжкий труд, чтобы избавиться от жизненной грязи.

Студент. Но ведь вы богаты. У вас две служанки!

Фрекен. Что толку! Хоть бы три! Жить так трудно, я порой так устаю... Подумайте, еще и детская!

Студент. Самая большая радость...

Фрекен. Но как дорого она обходится! Стоит ли жизнь таких трудов?

Студент. Ну, это смотря по тому, какой награды ждешь за свои труды... Я ни за чем бы не постоял, только бы получить вашу руку.

Фрекен. Молчите! Никогда я не буду вашей!

Студент. Почему?

Фрекен. И не спрашивайте.

Пауза.

Студент. Вы уронили в окно браслет...

Фрекен. Да, просто у меня рука похудела...

Пауза. Кухарка появляется в дверях с японской бутылкой.

Фрекен. Вот кто сожрет меня и нас всех!

Студент. А что это у нее в руках?

Фрекен. Это красящая жидкость, со знаками скорпиона на бутылке! Это соя, обращающая воду в бульон, заменяющая соус, в котором варят капусту, из которого делают черепаховый суп.

Студент. Вон отсюда!

Кухарка. Вы сосете соки из нас; а мы из вас; мы берем вашу кровь, а вам возвращаем воду – подкрашенную. Это краска! Ладно, я уйду, но только когда мне самой захочется! (*Уходит.*)

Студент. За что у Бенгтсона медаль?

Фрекен. За его великие заслуги.

Студент. И у него вовсе нет недостатков?

Фрекен. О! Недостатки у него тоже великие, но за них не дают медалей. (*Оба смеются.*)

Студент. В вашем доме такое множество тайн...

Фрекен. Как в каждом доме... Господь с ними, с нашими тайнами...

Пауза.

Студент. Вы любите откровенность?

Фрекен. Пожалуй, но до известного предела.

Студент. Порой на меня находит безумное желание высказать все, все; но я знаю – мир бы рухнул, если б мы были до конца откровенны. (*Пауза.*) На днях я был в церкви... на отпевании... как торжественно и прекрасно!

Фрекен. Это когда отпевали директора Хуммеля?

Студент. Да, моего мнимого благодетеля! У изголовья гроба стоял друг усопшего, пожилой человек, и он же потом первый шел за гробом; пастор особенно тронул меня достоинством жестов и проникновенностью речи. Я плакал, все мы плакали. Потом мы отправились в трактир... И там я узнал, что тот пожилой друг усопшего пытал страстью к его сыну...

Фрекен смотрит на него пристально, не понимая.

Усопший же брал взаймы у поклонника своего сына. (*Пауза.*) А через день арестовали пастора – он ограбил церковную кассу! Прелестно!

Фрекен. Ух!

Пауза.

Студент. Знаете, что я про вас думаю?
Фрекен. Нет, не говорите, не то я умру!
Студент. Нет, я скажу, не то я умру!
Фрекен. Это в больнице люди говорят все, что думают...
Студент. Совершенно верно! Отец мой кончил сумасшедшим
домом...

Фрекен. Он был болен!
Студент. Нет, он был здоров. Только он был сумасшедший! Вот
как-то раз это и обнаружилось, и при следующих обстоятель-
ствах... Как у всех у нас, были у него знакомые, которых он для
краткости именовал друзьями; разумеется, кучка ничтожеств, то
есть самых обычных представителей рода человеческого. Но надо
же ему было с кем-то водить знакомство, он не выносил одиноче-
ства. Мы ведь не говорим людям, что мы про них думаем, вот и
он тоже ничего им не говорил. Он видел их лживость, понимал
их коварство... но он был человек умный и воспитанный и обход-
ился с ними учтиво. А как-то раз у него собралось много гостей;
дело было вечером, он устал за день работы, и вдобавок ему при-
ходилось напрягаться – то сдерживаться и молчать, то молоть
всякий вздор с гостями...

Фрекен пугается.
Ну и вот, вдруг он просит внимания за столом, берет стакан,
собирается говорить тост... И тут отпустили тормоза, и он в длин-
ной речи разделал присутствующих по очереди, всех до единого,
объяснил им, как все они лживы. А потом, усталый, сел прямо на
стол и послал их всех к чертям!

Фрекен. Ух!
Студент. Я был при этом, и я никогда не забуду, что тут нача-
лось!... Мать с отцом стали ссориться, гости бросились за дверь...
и отца отвезли в сумасшедший дом, и там он умер! (Пауза.) Долгое
молчание – как застойная вода. Она гниет. Вот так и у вас в доме.
Тут тоже пахнет гнилью! А я-то решил, что здесь рай, когда увидел
однажды, как вы выходили на улицу! Было воскресное утро, я
стоял и смотрел; я видел полковника, и вовсе он был не полков-
ник; у меня был благородный покровитель, и он оказался разбой-
ником, и ему пришлось удавиться; я видел мумию – никакую не
мумию, я видел деву... кстати, куда делось целомудрие? Где кра-
сота? В природе ли, в душе ли моей, когда все в праздничном
уборе! Где честь и вера? В сказках и детских спектаклях! Где чело-
век, верный своему слову? В моей фантазии! Вот цветы ваши
отравили меня и сам я сделался ядовит! Я просил руки вашей, мы
мечтали, играли и пели, и тут вошла кухарка... *Sursum corda!* [4]
Попытайся же опять извлечь пурпур и пламя из золотой своей
арфы... попытайся же, я прошу, я на коленях тебя молю... Ладно

же, я сам! (*Берет арфу, но струны не звучат.*) Она нема, глуха! Подумать только – прекраснейшие цветы – и так ядовиты, самые ядовитые на свете! Проклятье на всем живом, проклята вся жизнь... Отчего не согласились вы стать моей невестой? Оттого что вы больны и всегда были больны... вот, вот, кухонный вампир уже сосет из меня соки, это Ламия [5], сосущая детскую кровь, кухня губит детей, если их не успела выпотрошить спальня... одни яды губят зренье, другие яды открывают нам глаза. И вот с ними-то в крови я рожден, и не могу называть безобразное красивым, дурное – добрым, не могу! Иисус Христос сошел во ад, сопровождение во ад было его сопровождение на землю, землю безумцев, преступников и трупов; и глупцы умертили его, когда он хотел их спасти, а разбойника отпустили, разбойников всегда любят! Горе нам! Спаси нас, Спаситель Мира, мы гибнем!

Фрекен падает, бледная как мел, звонит в звонок, входит Бенгтсон.

Фрекен. Скорее ширмы! Я умираю!

Бенгтсон возвращается с ширмами и ставит их, загораживая фрекен.

Студент. Идет Избавитель! Будь благословенна, бледная, кроткая! Спи, прекрасная, спи, бедная, спи, невинная, неповинная в страданьях своих, спи без снов, а когда ты проснешься... пусть встретит тебя солнце, которое не жжет, и дом без грязи, и родные без позора, и любовь без порока... Ты, мудрый, кроткий Будда! Ты ждешь, когда из земли прорастет небо, пошли же нам терпения в скорбях, чистоты в помыслах, и да не посрамится надежда наша!

Вдруг звучат струны арфы, комната полнится белым светом.

Солнце зреяло, и Сокрытый

Встал передо мною.

Каждый небесам подвластен.

Всяк в грехах покайся.

Злобы не питай к тому,

Кому вредил успешно.

Всяк блажен, добро творящий.

Оскорбленного – утешь,

Лишь в самом доброе – награда.

И блажен невинный.

За ширмами слышится стон.

Бедное, милое дитя, дитя ошибок, греха, страданья, смерти – дитя нашего мира; мира вечных перемен, разочарования и боли! Отец небесный да будет милостив к тебе...

Комната исчезает; задник – «Остров мертвых» Бёклина [6]; музыка, тихая, нежно-печальная, плывет с острова.

Я видел солнце,

И мне казалось,
Что зрю Сокрытого;
Всяк блажен, добро творящий,
Если и соделал зло,
Злобою не искупай.
Успокой, кого обидел,
В доброте твоя награда.
И блажен невинный.

Примечания

Sp?ksonaten

Одна из пяти «камерных» пьес Стриндберга, предназначенных им для Интимного театра (наряду с драмами «Непогода», 1907, «Пепелище», 1907, «Пеликан», 1907, «Черная перчатка», 1909). Первоначально имела другое название: «Кама-Лока. Буддистская драма Августа Стриндберга». Позднее в рукописи появилось заглавие: «Камерная пьеса З. Соната призраков». Впервые напечатана в 1907 году. «Соната призраков» создана писателем в период увлечения философией буддизма, что не могло не сказаться на самом характере пьесы. Не случайным было и раннее заглавие: Кама-Лока, согласно воззрениям теософов, – это призрачный мир, в котором скитаются душа человека, прежде чем обретет покой и мир в царстве смерти. Работая над пьесой, Стриндберг писал о своей новой философии жизни актрисе Интимного театра Харриет Боссе: «Единственное для себя утешение я нахожу у Будды, который прямо говорит мне, что жизнь – это фантасмагория, навязанная нам картина мира, которую надо учиться видеть в ее истинном свете». В письме литератору Эмилю Шерингу Стриндберг замечает, что его пьеса о «мудрости, которая приходит с годами, когда накоплен жизненный опыт и искусство созерцания целого наконец проявляется». Большинство людей, по мнению Стриндберга, «довольствуются воображаемым счастьем и скрывают свои беды. Так, Полковник (в пьесе) исполняет собственную комедию до конца, иллюзия стала для него реальностью... Я сам страдал, пока писал пьесу, словно блуждал в Кама-Локе... Что спасло мою душу во время работы, так это моя философия. Надежда на лучшее и твердое убеждение, что мы живем в сумасшедшем мире, в мире условностей, из которых мы должны вырваться. И это высветилось во мне, в моем сознании, и я писал ее с ощущением, что это мои «последние сонаты».

Стриндберг не случайно, вслед за Бетховеном, называет свои камерные пьесы «последними сонатами». Музыкой, как формой, применимой к литературному произведению, Стриндберг интересовался задолго до «Сонаты призраков». Полифоническое зучание характерно уже для пьесы «Местер Улоф», которую сам Стриндберг называл «симфонией». Но наибольшее развитие принцип музыкальности получает, несомненно, в драме «Игра грез» и камерных пьесах. Деление «Сонаты призраков» на три части, а также использование двух контрастирующих тем позаимствовано Стриндбергом из сонатной формы – конкретно из бетховенской фортепьянной сонаты D minor (Opus 31, № 2). Пьеса, как и соната, компонуется из трех частей. Две основные темы сонаты ведут у Стриндберга студент Аркенхольц (идеальное видение мира) и старик Хуммель (потребительство).

E. Соловьева

1

«Валькирия» – опера немецкого композитора Рихарда Вагнера (1813 – 1883), часть тетралогии «Кольцо нибелунга».

2

Тор – в скандинавской мифологии бог грома, богатырь, защищающий богов и людей от великанов и страшных чудовищ.

3

Имеется в виду испано-американская война (1898 г.) за владычество на Кубе, в результате которой остров перешел под контроль США.

4

Горе имеем сердца! (*лат.*) фраза из католического богослужения.

5

Ламия – образ восходит к греческой Ламии, возлюбленной Зевса, которая затем вынуждена была укрыться от гнева Геры в пещере и превратилась в кровавое чудовище, пожиравшее чужих детей. Позднее, в мифологии народов Европы, – злой дух, змей с головой и грудью красивой женщины. Считалось, что Ламия убивает детей, а также соблазняет мужчин и пьет их кровь.

6

Бёклин Арнольд (1827 – 1901) – швейцарский живописец. Для его творчества характерно активное введение фантастического элемента. Оказал влияние на формирование немецкого символизма.

лизма. Копия картины «Остров мертвых» висела в Интимном театре Стриндберга.